

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА А.П.ЧЕХОВА В КАЗАХСТАНЕ

Жумсақбаев А. Т.

THE RECEPTION OF CHEKHOV'S WORK IN KAZAKHSTAN

Zhumsakbaev A. T.

Вторая половина XIX в. для казахской литературы ознаменовывается активным приобщением к мировым художественным традициям и тенденциям. Это было время переводов произведений золотого века русской литературы. М. О. Ауэзов отмечал: «Перевод на казахский язык переводных образцов русской и мировой литературы благоприятно способствовал развитию казахской литературы. Каждый казахский писатель через русскую литературу постигает человеческую природу, его жизненную ношу, характер, сложную диалектику души. Поэтому русскую литературу называют наставником, воспитывающим в человеке благонравие и стремление к красоте»¹. Так художественный перевод стал одним из главнейших факторов сближения и взаимодействия двух литератур.

Одним из первых, кто сделал неоценимый вклад в становление казахско-русских литературных связей, был Абай Кунанбаев. В абаеведении признается огромная заслуга великого писателя в приобщении казахской литературы к мировой художественной традиции и русской культуре. В ауэзовской статье «Жизнь и творчество Абая» подчеркивается следу-

ющее: «Переводческая работа Абая имела огромное значение для развития казахской литературы; однако она далеко не исчерпывает его связь с русской литературой. Самое глубокое влияние этой культуры и художественных традиций надо искать в собственном творчестве Абая»².

Абай перевел на казахский язык семь отрывков из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, более 30 стихотворений М. Ю. Лермонтова, басни И. А. Крылова, а также стихи Байрона, Шиллера, Гете, Мицкевича. Кроме Абая, в сближении казахской и русской литератур внесли свою лепту и другие талантливые деятели культуры. Ибрай Алтынсарин, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Шакарим Кудайбердиев, Магжан Жумабаев, Жусипбек Аймауытов использовали самый сильный инструмент в деле повышения культуры родного народа – художественный перевод.

Произведения Чехова на сегодняшний день переведены более чем на 92 языка. Примечательно, но сам А. П. Чехов относился к переводам своих произведений с определенной долей скепсиса. Русский классик считал, что иноязычная публика не

сможет понять «специфически национальных» кодов, зашифрованных в его творчестве. В своих письмах к О. Л. Книппер он писал: «...Для чего переводить мою пьесу на французский язык? Ведь это дико. Французы ничего не поймут из Ермолая, из продажи имени и только будут скучать...»³; «Вообще к переводам этим я равнодушен, ибо знаю, что в Германии мы не нужны и не станем нужны, как бы нас ни переводили»⁴. В письме к О. Р. Васильевой Чехов выражает полное равнодушие к переводам его произведений на английский язык: «По-английски я не читаю, английских журналов не вижу и не знаю. И мне кажется, для английской публики я представляю так мало интереса, что решительно всё равно, буду ли я напечатан в английском журнале или нет»⁵.

Действительно, произведения А. П. Чехова сложно переводить. Тяжело передать все богатство его языка, всю палитру эмоций и настроений его персонажей. Переводчику необходимо работать крайне аккуратно и осторожно, чтобы сохранить художественную и смысловую целостность и образность, также национальную колоритность чеховского текста. Ш. К. Сатпаева утверждала: «Ждут подробного, вдумчивого рассмотрения и творческие удачи, и некоторые просчеты в переводах произведений Чехова на казахский язык. Родной и близкий всем людям, Чехов войдет в каждую национальную литературу, если переводы его произведений будут равноценны высокохудожественным оригиналам»⁶.

Впервые казахские читатели по-

знакомились с творчеством А. П. Чехова еще в десятые годы XX в. В первом казахском журнале демократического направления «Айкап» был напечатан перевод А. Баржаксина чеховского рассказа «Грач». В 1915 г. был опубликован рассказ «Хамелеон» в переводе А. Бокейханова.

Казахская интеллигенция ставила целью не только развитие национальной литературы путем переводов сочинений великих русских классиков, но и собственное обучение, совершенствование. Перевод произведений других национальных литератур был своеобразным инструментом донесения актуальных мыслей и новых идей, отвечал не только литературным, но и социальным потребностям. Произведения Чехова не были исключением. Ш. К. Сатпаева пишет: «Талантливый писатель и педагог, один из видных представителей критического реализма в казахской литературе начала XX в. И. Кубеев в своей непримиримой борьбе против темноты и невежества отсталого казахского аула использовал произведения Чехова, устно распространяя их»⁷.

После Октябрьской социалистической революции в казахской литературе усилилась тенденция к взаимному сближению и к всестороннему укреплению сотрудничества с другими национальными литературами народов СССР. Многие казахские писатели с интересом изучали и переводили произведения русской классической литературы. Творчество Чехова не могло не привлечь внимание маститых художников

казахской советской литературы – Б. Майлина, С. Сейфуллина, Г. Мусрепова и, конечно же, М. Ауэзова. Один из первых рассказов Чехова «Белолобый» был мастерски переведен им на казахский язык. Великое чеховское наследие стало подлинно всенародным достоянием.

Русско-казахские литературные связи были весьма многообразны. Художественный перевод был не единственным проявлением этих тесных отношений. Так, под непосредственным влиянием прогрессивной русской классики, в казахской литературе формировались новые жанры, расширялись традиционные представления о тематике, рождались новые типы литературных героев.

Творчество А. П. Чехова оказало несомненное воздействие на развитие жанра рассказа в казахской литературе. Художественный опыт Чехова-рассказчика привлек внимание Б. Майлина. Об этом пишет Ш. К. Сагпаева: «Будучи еще учеником медресе в Уфе, Б. Майлин зачитывался замечательными новеллами Чехова. По свидетельству близко знавших прозаика людей, Чехов был его любимым писателем. Один из первых мастеров казахской художественной прозы, Б. Майлин в некоторых своих рассказах и повестях как бы выступает продолжателем традиций Чехова, пронизывая повествование тонкой иронией и мягким юмором, грустной улыбкой»⁸.

Читал и перечитывал произведения А. П. Чехова и другой мастер казахской литературы – Г. Мусрепов. З. С. Кедрина в своей книге пишет:

«Габит Мусрепов – один из самых собранных композиционно и «выработанных» стилистически казахских писателей. Стиль произведений Г. Мусрепова всегда характеризовался изящной законченностью»⁹.

Композиционная стройность, рафинированность, лаконичность стиля, создание сценических миниатюр дают основание говорить о нем как о приверженце строгой школы русской классической литературы. Габит Мусрепов в известной степени развивал традиции Чехова в казахской прозе и литературе, в его произведениях проскальзывает чеховская манера письма. С. А. Ашимханова утверждает: «Одним из серьезных учителей Габита Мусрепова на протяжении всей его творческой деятельности был А. П. Чехов. Чеховский лаконизм, особые функции подтекста, новеллистичность повествования оказали серьезное влияние на структуру и содержание мусреповского художественного текста»¹⁰.

На новую ступень развития поднял жанр рассказа выдающийся писатель М. О. Ауэзов. Он открыл новые темы в казахской литературе, наполнил свои произведения жизненным содержанием, которые требовали других изобразительных средств. Его хорошо известное всем произведение «Серый лютый» («Коксерек») перекликается с повестями Джека Лондона «Белый клык», Л. Н. Толстого «Холстомер» и, конечно же, рассказами А. П. Чехова «Белолобый», «Каштанка». Он не раз повторял: «Повесть-рассказ «Серый лютый» написана в том же ряду, что и рассказы Джека Лондона,

Чехова, Толстого в том смысле, что я тоже пытался показать «психологию» повадки животного»¹¹.

Мастер психологического анализа, Мухтар Ауэзов помещает в рассказ-символ «Серый лютый» общественные и личные проблемы, дает нравственную оценку героям. Не последнюю роль играет совокупность изобразительных средств, которые прекрасно воссоздают фон событий. Под влиянием классиков (в том числе и Чехова) создается новый, неожиданный по форме и содержанию рассказ.

Под воздействием русской классики в казахской литературе также разрабатываются новые, актуальные общечеловеческие нравственные проблемы. Например, одной из таких проблем является судьба «маленького человека».

Чехов был далеко не первым и не единственным, кто в своих произведениях развивал эту тему. Однако в его творчестве «маленький человек» имеет неоднозначное переосмысление. В первую очередь, маленький человек у Чехова очень разный. Чеховский тип может варьироваться: от жалкого и ничтожного (герой Червяков в рассказе «Смерть чиновника») до доброго и честного, но незадачливого «вечного студента» (Петя Трофимов из «Вишневого сада»).

Переосмыслена Чеховым и роль маленького человека в окружающем его мире. Он не оскорблен, не обижен, порой даже проявляет настойчивость и агрессию к окружающим его людям (часто эти попытки неудачны и комичны). Однако каждый

«маленький герой» А. П. Чехова становится заложником собственных мыслей. Он не может совладать с собой и своей жизнью, не может показать свое «Я». Человек не рождается «маленьким». «Маленьким» он становится из-за своего социального статуса и морально-этических шаблонов поведения.

Другими словами, чеховский «маленький человек» имеет свою душу, имеет свои желания и даже способности, которые он так и не смог реализовать. Если раньше маленький человек вызывал жалость и эмпатию, то после чеховской подачи читатель не сочувствует герою из-за отрицательных качеств, которые в нем заложены. Чехов нигде не позволяет себе морализировать – он просто рисует жизнь, но лаконичное повествование прекрасно передает все, что хотел бы сказать автор. Такое новое освещение этого образа делает его более выразительным и заставляет еще раз задуматься над его сущностью.

Известный казахский писатель и драматург Дулат Исабеков продолжает развивать и заново осмыслять проблемы «маленького человека». Бакытжан Канапьянов в «Литературной газете» пишет: «С самых первых своих произведений Дулат Исабеков был и остаётся верен одной теме. Это тема и образ «маленького человека», волею ряда житейских обстоятельств вовлечённого в стихию непредсказуемой жизни. Той самой жизни, которая всегда и везде существует вне принципов логарифмической линейки. А точнее, сам писатель в силу большого

таланта воспрепятствует тому стереотипу мышления, который на корню уничтожает своеобразие, непосредственность и первородность художественного замысла. Это аксиома. И по Антону Чехову, и по Василию Шукшину, и по Фазилу Искандеру. И по Дулату Исабекову. Всех их объединяет действительно маленький человек...»¹².

Влияние А. П. Чехова на казахскую литературу велико. Его произведения сыграли немаловажную роль в межкультурной коммуникации казахского и русского народов. Чеховские традиции будут всегда актуальны, так как им далеко вперед были угаданы наши настроения, мотивы, идеи, нравственные и эстетические искания.

Сведения об авторе: Жумсакбаев Аман Турсунгазыевич, старший преподаватель кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: aman.zhumsakbaev.91@mail.ru.

Аннотация. В статье приводится обзор и анализ российско-казахстанских литературных связей на примере обращения казахских писателей к творчеству А. П. Чехова. Среди прочего отмечается наличие не только многочисленных переводов чеховских текстов, но и их влияние на поэтику и тематику ряда авторов, творивших на казахском языке.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Казахстан, влияние, литературные связи, стиль.

Abstract. The article provides an overview and analysis of Russian-Kazakh literary relations on the example of Kazakh writers' appeal to the works of A. P. Chekhov. Among other things, it notes not only the presence of numerous translations of Chekhov's texts, but also their influence on the poetics and themes of a number of authors who have worked in the Kazakh language.

Key words: A. P. Chekhov, Kazakhstan, influence, literary connections, style.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ауэзов М. О. Статьи, исследования. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – С. 125.
- 2 Ауэзов М. О. Мысли разных лет. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 144.
- 3 Чехов А. П. Чехов и театр: письма, фельетоны, современники о Чехове-драматурге. – М.: Искусство, 1961. – С. 155.
- 4 Чехов А. П. Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: в 3 т. Т. 2. – М.: Мир, 1936. – С. 59.
- 5 Чехов А. П. Сборник документов и материалов. Том 1. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 64.
- 6 Сатпаева Ш. К. Его имя дорого навеки / Веяние времени. Статьи. Т. 4. – Астана: Елорда, 2012. – С. 405.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Кедрина З. С. Из живого источника: Очерки советской казахской литературы. – Алма-Ата: Жазушы, 1966. – С. 23.
- 10 Ашимханова С. А. Чеховские традиции в прозе Габита Мусрепова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011. – С. 195.
- 11 Ауэзов М. О. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 86.
- 12 Канапьянов Б. М. Звезда над аулом большая // Литературная газета. – 2016. – № 7. – С. 13.